

Максим Соболев

Приключения

кота

Кирилла

и

пса

Степана

Максим Соболев

**Приключения кота
Кирилла и пса Степана**

«Автор»

2026

Соболев М.

Приключения кота Кирилла и пса Степана / М. Соболев —
«Автор», 2026

«Кот Кирилл и пёс Степан — лучшие друзья, и вместе им не страшны никакие беды! То придётся спасти дачный посёлок от хитрой лисы, то распутывать загадочные следы у старого сарая, а то и вовсе выяснять, кто каждую ночь шуршит в кустах и пугает всех жителей. В этих приключениях Кирилл полагается на свою кошачью ловкость, а Степан — на верный нюх и смелость. Но главное их оружие — дружба: она помогает не растеряться даже в самой запутанной ситуации. Если ты любишь весёлые истории, где есть загадки, немного опасностей и много поддержки, эта книга точно для тебя!»

© Соболев М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 КАК КИРИЛЛ ПАЗНАКОМЕЛСЯ С ПСОМ	5
Глава 2 Как пес и кот подружились с мальчиком	8
Глава 3 Поиск залотова орешка	12
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Максим Соболев

Приключения кота Кирилла и пса Степана

Глава 1 КАК КИРИЛЛ ПАЗНАКОМЕЛСЯ С ПСОМ

В одном старом дачном поселке, где домики летом утопали в сирени, а зимой прятались в сугробах, жили два друга. Вернее, друзьями они стали не сразу.

В доме с зеленой крышей жил кот Кирилл — философ и большой любитель тишины. А через забор, в будке под старой яблоней, обитал пес Степан — шумный, веселый и до невозможности любопытный. Днем они соблюдали нейтралитет: кот дремал на крыльце, а Степан гонял соседских воробьев. Но по ночам их пути расходились.

У Кирилла была одна великая тайна. Как только луна выплывала из-за туч, он бесшумно проскальзывал мимо спящего хозяина, открывал лапкой незапертую дверцу и по старым скрипучим половицам пробирался на чердак. Там, отодвинув носом пыльное окошко, он забирался на самый высокий ящик и часами смотрел на звезды. Для него это было самое настоящее волшебство. Звезды казались ему далекими кошачьими глазами, которые подмигивают земле. Они складывались в узоры, похожие на следы невидимых мышей, и тихонько пели свою вечную песню. Под этим небом все дневные тревоги таяли, как утренний туман над рекой.

Однажды вечером Степан заметил кота сидящим на высоком заборе. Пес подошел поближе, стараясь цокать когтями как можно тише. — Эй, шерстяной! — гулко гавкнул Степан, но тут же осекся и перешел на громкий шепот, боясь перебудить хозяев. — Ты чего там делаешь? Высматриваешь, у кого курица в сарай плохо зашла? — Я смотрю на звезды, Степан, — спокойно ответил кот, балансируя хвостом. — На что-о?! — изумлению пса не было предела. — Да ты перегрелся на своей крыше! Зачем смотреть на эти белые точки? От них ни запаха косточки, ни звука консервной банки! Они же просто висят!

Кирилл тяжело вздохнул. Спорить с тем, кто никогда не видел неба целиком, было бесполезно, но слова сами сорвались с языка: — Понимаешь, Степа... Днем наш мир очень маленький. Он заканчивается твоим ошейником и краем моего блюда. Мы вечно куда-то бежим, лаем, шипим или ловим солнечных зайчиков. Нам тесно. А ночью небо снимает эту тесноту. Оно напоминает, что мы живем на огромном каменном шаре, который летит сквозь вечность. Когда смотришь вверх, все наши дневные ссоры кажутся такими мелкими... — Летит? — уши пса удивленно приподнялись. — Куда? — К другим мирам. Но дело не только в этом. Дело в дороге. Моя дорога на чердак — она особенная. Она ведет к покою. И хожу по ней я всегда один.

Степан переступил с лапы на лапу. Ему вдруг стало ужасно обидно. Огромному грозному псу, наводящему страх на всех окрестных кошек, стало грустно от того, что его не позвали в такое важное путешествие. — Один ходить нельзя, — авторитетно заявил он, вспомнив наказ хозяина. — Особенно по ночам. Мало ли кто шастает. Знаешь что, усатый философ? Возьми меня с собой этой ночью. Обещаю, буду ступать тише мыши, честное собачье! Ну пожалуйста! Покажи мне свой космос, а то помру дураком, знающим только запах паленой резины с шоссе.

Кирилл посмотрел на серьезную морду пса, на его болтающиеся уши, которые сейчас стояли торчком от любопытства, и неожиданно для самого себя кивнул: — Хорошо. Только уговор: идешь строго след в след. И если наступишь хоть на одну сухую ветку — разворачиваемся домой. Понял? — Есть идти след в шаг! — радостно прошептал Степан и для верности сел прямо посреди дороги, чтобы случайно ничего не раздавить.

Когда большая желтая луна коснулась верхушек елей, друзья встретились у задней калитки. Кот выскользнул серой тенью, а пес появился беззвучно, словно его тяжелое тело

научилось левитации. Дорога за поселком была пустынной. Старый асфальт хранил тепло дня, и от него пахло гудроном и пылью. Идти по нему вдвоем оказалось совсем не страшно. Степан больше не бросался облаивать каждый подозрительный куст, а лишь внимательно смотрел под ноги, стараясь не шуметь. Кирилл вел его какими-то звериными тропами, подальше от ярких фонарей, которые убивают настоящий цвет ночи.

Они миновали спящие дачи, прошли через старый яблоневый сад, где яблоки падали в траву с глухими стуками, и вышли к небольшому деревянному мостику. Он был перекинут через речку Быстрянку, которая днем казалась бурной и мутной, а сейчас превратилась в застывшее зеркало. Вода отражала луну так четко, что казалось, будто на дне лежит вторая серебряная монета.

— Пришли, — выдохнул Кирилл, останавливаясь ровно посередине моста. Доски тихонько поскрипывали под тяжестью собаки. — Стой здесь. Не шевелись. — Слушай, а может, лучше рыбалку устроим? — неуверенно предложил Степан, заглядывая вниз, где плеснула крупная рыба. — Тут внизу тоже интересно. — Закрой глаза, — мягко приказал кот. — Глубоко вдохни. Чувствуешь? Пахнет мокрым деревом, остывшим камнем и свободой. А теперь медленно открывай и смотри строго вверх.

Степан послушно зажмурился, шумно втянул воздух широкими ноздрями, отчего его борода затрепетала, и поднял голову. То, что он увидел, смело его напрочь, как ведро холодной воды.

То небо, которое он знал — бледное, городское, с редкими тусклыми мухами-фонариками — исчезло. Над ним развернулся гигантский черный купол, расшитый миллионами бриллиантов. Они не просто горели — они пульсировали, переливались холодным огнем, собирались в густые россыпи и рассыпались космической пылью. Млечный Пути тек широкой молочной рекой, разрезая небосвод пополам. Звезд было так много, что ими можно было бы вымостить всю дорогу до города. У пса подкосились лапы. Он опустил свой могучий зад на теплые доски моста, разинул пасть и забыл, как дышать. Огромный сторожевой пес, способный в одиночку отпугнуть любого грабителя, сидел посреди реки, беспомощный и совершенно счастливый, глядя наверх глазами, в которых плескалось чистое детское восхищение.

— Это... это сколько же нужно мышей поймать, чтобы столько сыра на небе повесить? — прошептал он наконец охрипшим голосом. — Это не сыр, друг мой, — тихо засмеялся Кирилл, прижимаясь теплым боком к дрожащему от восторга псу. — Это другие солнца. Где-то там, вокруг них, крутятся свои планеты. Может быть, там тоже сидят сейчас какой-нибудь космический кот и межгалактический пес и смотрят на наше Солнце. — И видят нас? — заволновался Степан, инстинктивно прячась под перила. — Нет. Мы слишком маленькие. Для той бездны мы — просто мысль. Но именно поэтому нам так важно держаться вместе.

Они долго молчали, слушая, как журчит вода под сваями. Ночной ветер шелестел в камышах, и этот звук сливался с тихим звоном звезд. Степан впервые в жизни почувствовал, насколько он мал перед лицом Вселенной, и это чувство почему-то наполнило его не страхом, а невероятной гордостью.

Вдруг Степан дернул ухом и толкнул кота носом. — Смотри! — прошипел он. — Новая! Вон там, прямо над нашим домом! Видишь?

Прямо над серединой моста, расчертив темноту ярким штрихом, вспыхнула новая звезда. Она была крупнее остальных, необычного глубокого бирюзового цвета, и от нее во все стороны исходило мягкое сияние, напоминающее морозный узор на стекле. Она не мерцала нервно, как остальные, а горела ровным, уверенным светом, обещающим защиту.

Степан вскочил на лапы, шерсть на его загривке невольно встала дыбом от благоговения. — Что это? — прошептал он. — Самая главная звезда зрителя? Кирилл прикрыл зеленые глаза. Он долго молчал, впитывая свет нового небесного огонька, а затем потерся ухом о мощную шею друга. — Нет, — сказал он очень серьезно и торжественно. — Это твоя звезда, Сте-

пан. Посмотри, какая она надежная. Она не падает, не мигает от страха, она просто светит. Всегда. Она будет освещать тебе путь, даже если однажды случится самая темная ночь и густой туман. Давай назовем ее «Надежда». Чтобы ты никогда не забывал, что любая дорога кончается рассветом, если есть кому осветить тьму.

Пес осторожно скосил глаз на бирюзовый огонек. Теперь ночное небо не казалось ему чужим и холодным. Там, высоко-высоко, горел его личный маяк.

С того вечера жизнь двух соседей изменилась навсегда. Днем Степан всё так же честно охранял территорию, но делал это как-то спокойнее, перестал рвать цепь ради каждого проезжающего трактора. А каждую ясную ночь, едва часы на чердаке били полночь, силуэт Кирилла уже ждал на верхней ступеньке лестницы. Пес подходил неслышно, ложился рядом, и они вместе спускались к реке.

Кот учил пса отличать Сатурн от Юпитера и рассказывал древние мифы о том, как Большой Пес гонится по небу за Зайцем. А Степан делился мудростью земных дорог: объяснял, как по запаху определить, прошла ли здесь утром корова Зорька, и доказывал, что самые вкусные кости прячут вовсе не на небе, а под старой липой у бани председателя.

И если вам доведется летней ночью оказаться в тех местах, далеко от городской засветки, остановите машину у старого деревянного моста через Быстрянку. Заглушите мотор, выйдите наружу и посмотрите на юг, чуть восточнее созвездия Гончих Псов. Вы обязательно увидите две яркие звезды, стоящие почти вплотную. Одна — спокойная, золотистая кошачья искра. А рядом с ней — большая, яркого бирюзового цвета, лучистая и теплая. Местные астрономы давно внесли их в свои карты, но официальное название им дали простые дачники, которые часто видели на мосту двух друзей. Старожилы говорят, что это двойное созвездие зовется «Степан и Надежда», и путникам оно обещает самую верную дружбу и светлую дорогу домой

Глава 2 Как пес и кот подружились с мальчиком

С того дня, как Степан увидел свою звезду, прошла ровно неделя. Семь долгих, наполненных новыми запахами и звуками дней. За это время дачный поселок изменился до неузнаваемости: он перестал быть просто местом, где кот охотится на бабочек, а пес охраняет грядки. Теперь это была их общая, тайная вселенная.

Кирилл и Степан стали неразлучны. Днем они теперь делили одну тень: кот лежал, растянувшись на широкой спине пса, а тот, пыхтя от важности, таскал на себе эту драгоценную ношу вдоль всего забора. Ночью же они соблюдали строгий ритуал. Ровно в полночь Кирилл царапал дверь будки, Степан выбирался наружу, и они шли к реке. Пес больше не боялся темноты, а кот перестал быть высокомерным одиночкой. Они научились понимать друг друга без слов: по тому, как дергается кончик хвоста Кирилла, Степан знал, что завтра будет туман, а по тому, как пес прижимает уши, кот понимал, что в камышах опять прячется хорек.

На восьмой день, когда солнце стояло высоко, а воздух дрожал от зноя, Кирилл сидел на верхней перекладине калитки, свесив хвост прямо над носом дремлющего Степана. Вдруг кот замер. Его зеленые глаза сузились в щелочки. По разбитой поселковой дороге, поднимая клубы пыли, ехала старая синяя машина. Она фыркнула, чихнула и остановилась у дома с зеленой крышей — дома хозяина Кирилла.

Из машины выбрался мальчик. На вид ему было лет десять. Худой, загорелый до черноты, с облупившимся носом и сбитыми коленками. На нем были шорты цвета выцветшей джинсы и футболка с логотипом какой-то непонятной музыкальной группы. Он вытащил за собой огромный туристический рюкзак, который весил, казалось, больше его самого, и, махнув рукой водителю, уверенно зашагал к калитке.

Степан приоткрыл один глаз, лениво вильнул хвостом и снова задремал. Чужие люди в поселке появлялись часто, и мало кто из них кидал ему даже сухую корку. — Эй, лохматый, — тихо позвал Кирилл, не сводя глаз с мальчика. — К нам пожаловал Максим. — Какой еще Максим? — сонно фыркнул пес, но уши наострил. — Я всех Максимов в районе знаю. Этот не наш. От него пахнет городом, раскаленным асфальтом, метро и... чем-то сладким. Карамельками «Дюшес», что ли? — Это внук моего Хозяина, — с непонятной интонацией (то ли гордостью, то ли легкой тревогой) пояснил кот. — Он приезжает каждое лето. И, боюсь, нам со Степаном придется потесниться. Максим любит обниматься. Очень любит. И делает это внезапно, как нападение хорька из-за угла.

Кирилл оказался прав. Как только мальчик вошел в дом, первым делом он рухнул на колени прямо в тесном коридоре, едва успев сбросить кеды. — Кирюша! — закричал он так, что жалобно звякнули чашки в старом буфете. — Кирюша, ты вырос! Каким ты стал барсом! Настоящим сибирским тигром!

Кирилл, который как раз собирался с достоинством прошествовать к своей миске, оказался в плену. Маленькие, но цепкие руки схватили его, прижали к пропахшей костром,летней пылью и дешевым кондиционером для белья футболке и начали наглаживать. Кот обмяк. Он знал, что сопротивляться бесполезно. Максим пах детством — тем временем, когда сам Кирилл был еще неуклюжим, лопоухим котенком, а звезды казались просто дырками в черном потолке. Кот позволил почесать себя за ухо, позволил взять на руки и только тогда, улучив момент, ловко вывернулся, цапнул хозяина мягкой лапой (без когтей) за палец и вспрыгнул на подоконник.

День прошел в суете. Максим носился по участку, пытаясь полить огород из дырявой лейки, строил шалаш из старых покрывал и гонялся за бабочками с сачком. Кирилл наблюдал за ним с безопасного расстояния — с ветки старой антоновки. А Степан с безопасного расстояния — из будки — наблюдал за Кириллом. Пес немного ревновал. Этот шумный челове-

ский детеныш забирал всё внимание его философа, заставляя того мурлыкать, как простому дворовому Ваське.

Но когда сумерки сгустились и на поселок опустилась та самая бархатная, звенящая тишина, которую так любил кот, дверь дома снова скрипнула. На крыльцо вышел Максим. Он не стал включать свет на веранде. Он сел на старые, крашенные синей краской ступеньки, обхватив колени руками, и тяжело вздохнул. Пахнуло чем-то горьким и взрослым, словно мальчик привез с собой из города не только рюкзак, но и все свои невыплаканные слезы.

Кирилл бесшумно спрыгнул с дерева. Он подошел к мальчику, потерся о его пыльную голень, запрыгнул на колени и, к удивлению Степана, который подглядывал из-за угла сарая, не стал вырываться. Кот чувствовал: Максим приехал не просто на каникулы. Он приехал прятаться от чего-то грустного и тяжелого, что осталось там, в шумном городе, за сотни километров.

Кирилл мягко перебрался мальчику на грудь, свернулся плотным, теплым калачиком, положив голову с вибрирующими усами прямо над сердцем Максима, и включил свой самый громкий, самый утробный моторчик. Вр-р-р-р-р. Звук был густым, вибрирующим и теплым, как парное молоко. Он заглушал все городские тревоги, которые мальчик привез с собой в рюкзаке. Максим медленно провел рукой по черной, лоснящейся шерсти, его плечи опустились, он улыбнулся чему-то во сне, и через пять минут его дыхание стало ровным и глубоким. Так они и уснули на старых ступеньках — уставший городской мальчик и мудрый дачный кот.

Степан просидел под крыльцом до самого рассвета. Он охранял их сон, и ни один комар не посмел пискнуть в радиусе пяти метров от спящего Максима.

Чтобы понять, почему Максим так нуждался в этой тишине, нужно было увидеть его комнату. Утром, когда мальчик наконец проснулся, он побрел наверх, в мансарду. Попасть туда можно было только по узкой деревянной лестнице, которая предательски скрипела на третьей и седьмой ступеньке, если наступать на самый край.

Комната была треугольной, повторяя изгибы кровли. Из-за этого казалось, что ты находишься не в доме, а внутри капитанской рубки старого корабля, который вот-вот отправится в плавание. Стены здесь были обшиты светлым деревом, которое от времени и летнего солнца стало медовым и источало тонкий аромат смолы и сушеных яблок — их здесь хранили в плетеных корзинах, расставленных по углам.

Потолок был низким и покатым. Максиму приходилось пригибаться, чтобы не задеть головой старую люстру с оранжевым шелковым абажуром, на котором уже проступили желтоватые пятна времени. В самом центре потолка, прямо над кроватью, было круглое слуховое окно. Днем через него падал столб золотистой пыли, в которой танцевали пылинки, а ночью... Ночью окно превращалось в идеальный, идеально круглый экран планетария.

Кровать Максима стояла прямо под этим окном. Это было старое металлическое ложе с панцирной сеткой, которая мелодично звенела, если на нее лечь. Застелена она была колючим, но невероятно теплым шерстяным одеялом в сине-зеленую клетку, выцветшим от бесчисленных стирок. Подушки пахли травами — полынью и мятой, которые бабушка клала в наволочки для запаха.

У стены стоял массивный письменный стол, на котором царил творческий хаос. Там лежала стопка старых комиксов про космических пиратов, стоял пустой граненый стакан, в котором торчали засохшие полевые цветы, и старая рация, которую Максим пытался починить уже третий год. На стене над столом кнопками были приколоты карта звездного неба, билет на электричку с дырочкой и рисунок углем — очень похожий портрет Кирилла, сделанный в первый же вечер, когда кот позволил себя рассмотреть.

Но главной достопримечательностью комнаты был старый, пузатый шкаф с резными дверцами, стоявший в самом темном углу. Одна его дверца всегда была чуть приоткрыта. Внутри пахло нафталином, старыми книгами и приключениями. На верхней полке лежали

стопки фланелевых рубашек, а на нижней, под слоем старых газет «Пионерская правда», Максим прятал свой главный клад: коллекцию гладких речных камней, которые он привез из города, и старый, потертый на углах бинокль деда.

Именно из этой комнаты, из-под оранжевого света абажура, Максим выходил по ночам на крыльцо. И именно сюда, в этот пахнущий деревом и детством мир, Кирилл приходил под утро. Он запрыгивал на теплую батарею под окном, ждал, пока мальчик проснется, и спрыгивал прямо ему на грудь, своим весом и мурлыканьем возвращая из тревожных городских снов в спокойную, звенящую тишину дачного утра.

Следующий день стал праздником. Утром Кирилл, аккуратно спрыгнув с проснувшегося мальчика, подошел к будке и требовательно мяукнул, царапнув когтями резину старой покрышки. — Выходим, — коротко бросил он. — У нас гость. И он должен увидеть всё.

Максим, наспех позавтракав оладьями со сметаной, вышел на улицу. У калитки его ждал Кирилл, а рядом с ним, смущенно переминаясь с лапы на лапу и виляя хвостом так, что подметал пыль с дороги, стоял огромный Степан. — Ого, — выдохнул мальчик, забыв закрыть рот. — А это кто? Лошадь? Или медведь, который забыл уйти в спячку? — Это Степан, — важно представил друга кот, задрал подбородок. — Он мой начальник охраны, главный специалист по звездам и единственный, кто умеет открывать носом банку со сгущенкой. Степа, это Максим. Не кусай его, он свой, я проверил.

Степан подошел, тяжело вздохнул, обдав мальчика запахом псины и речной свежести, и осторожно ткнулся мокрым, холодным носом в ладонь Максима. Мальчик рассмеялся и с размаху почесал пса за ухом, запустив пальцы в густую шерсть. В этот момент лед тронулся. Пес понял, что этот мальчик пахнет не только карамельками и городской пылью, но и честной, открытой дружбой — почти так же, как пахнет сам Кирилл.

— А пойдемте гулять! — предложил Максим, закидывая рюкзак на одно плечо. — Я покажу вам старую водонапорную башню! Там наверху живут летучие мыши, и оттуда видно три соседних района!

И они пошли. Это была самая странная процессия, которую когда-либо видел дачный поселок. Впереди, задрав хвост трубой, словно знамя, шел Кирилл — он был штурманом и разведчиком. За ним, громко топая кедами и отмахиваясь от назойливых оводов, шел Максим. А следом, прикрывая тылы, тяжелой, но грациозной поступью двигался Степан, стараясь не наступить коту на хвост и время от времени подталкивая мальчика носом в спину, если тот слишком долго засматривался на чужие сады.

Они обошли всю деревню. Максим рассказывал им городские новости, Кирилл презрительно щурился на рассказы о лифтах и пробках, а Степан сочувственно вздыхал, представляя, каково это — жить в бетонной коробке, где нет ни одной мышиной норы и где нельзя просто так взять и вырыть яму. Они гуляли до самого вечера, пока закатное солнце не окрасило крыши домов в цвет спелой, налитой малины. Уставшие, но абсолютно счастливые, они вернулись домой только тогда, когда в воздухе запахло остывающей пылью.

Когда окончательно стемнело и на небе зажглись первые, самые смелые искры, Кирилл подошел к Максиму, который сидел на пенке у забора и чистил кеды пучком травы, и требовательно ткнулся лбом в его кроссовок. — Пойдем, — мяукнул кот. — Есть дело государственной важности. — Куда? — удивился мальчик. — Я ноги стер в кровь, Кирюш. Я хочу спать и есть тушенку. — Ты спишь днем на крыльце, как старый дед, — отрезал кот. — А ночью нужно смотреть вверх. Степан, открывай калитку, хватит подслушивать.

Пес радостно гавкнул, напугав спящую на ветке ворону, и отодвинул щеколду носом. Они снова шли той же дорогой. Мимо спящих домов, через старый яблоневоый сад, где яблоки падали в траву с глухими, сочными шлепками, к старой речушке. Но сегодня воздух был особенным — чистым, хрустальным, предвещающим первые заморозки. Он пах мокрым деревом и свободой.

Вот и мост. Он стоял всё такой же скрипучий, покрытый скользким зеленым мхом, но теперь казался друзьям не просто переправой, а капитанским мостиком огромного космического корабля. — Встань ровно посередине, — скомандовал Кирилл, запрыгивая Максиму на плечи для равновесия. — И смотри туда. Видишь разрыв в облаках? Левее старой ивы.

Максим задрал голову. Небо сегодня было глубже, чем обычно. Оно не было просто черным — оно было бархатным, темно-синим, и в нем, казалось, можно было утонуть. — Вижу... — прошептал мальчик. — Как чернила. Густые. — Смотри внимательнее, — мурлыкнул кот ему в самое ухо. — Сейчас будет фокус.

И тут Степан, который стоял рядом, тихо, но очень торжественно гавкнул, привлекая внимание. Он тоже смотрел вверх. Прямо над серединой моста, там, где река делала крутой поворот, сквозь прореху в тяжелых свинцовых тучах ударил одинокий серебряный луч. И в этом луче, яркая, чистая, цвета летнего неба перед самой сильной грозой, горела она. Большая бирюзовая звезда. Она не мерцала нервно, а горела ровным, уверенным светом, обещая, что всё будет хорошо.

— Это... та самая? — выдохнул Максим, забыв, как дышать. — Которую вы мне рассказывали? Которая Степана? — Это она, — гордо сказал Кирилл, спрыгивая с плеч мальчика на мокрые перила. — Мой большой, шумный друг нашел ее в самую темную ночь. А я дал ей имя. Максим перевел взгляд с сияющей точки на огромного пса, который сидел рядом, высунув язык, и смотрел на звезду с видом первооткрывателя полюса. — Вы назвали ее... в честь Степана? — В честь его Надежды, — поправил кот. — Степа, подтверди человеку. Пес вильнул хвостом так сильно, что чуть не сшиб кота в воду, и издал тихий, горловой звук, похожий на «Гав-ур-р-р».

Максим вдруг рассмеялся. Он смеялся так звонко и чисто, что, казалось, звезды на секунду замерли, чтобы послушать этот звук. Он обнял огромную, теплую шею пса, а потом подхватил на руки Кирилла, прижимая его к груди. — Спасибо, — прошептал он, и кот почувствовал, как по щеке мальчика скатилась горячая капля. — Я думал, в этом году лето будет самым скучным и тоскливым в моей жизни. А у меня теперь есть вы. И у нас есть своя звезда.

Они стояли на мосту вдвоем до тех пор, пока тучи снова не сомкнулись, спрятав бирюзовый огонек. Но темнота их больше не пугала. Они знали: «Надежда» никуда не делась. Она просто прикрыла свои лучи, как кот прикрывает глаза, греясь на солнце. И она будет ждать их там, наверху, каждую ночь, охраняя покой старого дачного поселка, пахнущего яблоками, речной сыростью и настоящей дружбой.

Глава 3 Поиск залотова орешка

С того вечера, как Максим впервые увидел «Надежду», жизнь в дачном поселке окончательно сошла с привычной орбиты. Прошло три дня. За это время мальчик, кот и пес стали единым, неразделимым организмом. Днем они искали в высокой траве «сокровища» (которыми обычно оказывались красивые стеклышки или потерянные кем-то ключи), а ночью Кирилл учил Максима различать созвездия, пока Степан храпел рядом, положив тяжелую голову мальчику на кроссовки и выводя носом рулады, похожие на гул взлетающего самолета.

Но на десятый день привычный уклад рухнул.

Все началось с приезда синей машины — точно такой же, на которой приехал Максим. Только из этой машины вышло не человеческое дитя, а крошечное, пушистое существо, закутанное в клетчатый плед так плотно, что напоминало живой, дышащий валенок. Это был хомяк Егорак. В одной лапке он сжимал ручку крошечного чемоданчика, обклеенного переводными картинками с рыбками, а в другой — бутерброд с сыром, который был почти в два раза больше самого хомяка. Следом за ним, кряхтя и опираясь на резную палку из можжевельника, выбралась его бабушка — Аграфена Петровна, женщина монументальная, пахнущая пирожками с капустой, земляничным мылом и валерьянкой.

— Привал, внучек, — пробасила бабушка, с грохотом ставя на крыльцо огромный баул, из которого торчали вязанные носки. — Тут воздух-то какой! Спелый. Не то что в нашем бетонном скворечнике на пятом этаже.

Егорак ничего не ответил. Он был слишком занят: он выглядывал из-под пледа, и его маленькие глазки-бусинки не моргали, сканируя местность. Вчера вечером, пока бабушка Аграфена смотрала свой бесконечный сериал про деревенскую любовь, хомяк тайком прочитал взятую из библиотеки потрепанную книгу в мягкой обложке под названием «Пираты Серебряного ручья, или Тайна Золотого Ореха». С этого момента его жизнь потеряла всякий смысл. В книге говорилось, что где-то в этих краях, под корнями самой старой ивы, пират по кличке Одноухий Сильвер зарыл свой главный клад — Золотой Орешек, внутри которого спала настоящая, неразменная удача. Егорак знал: он должен найти его. Иначе зачем вообще быть хомяком, если ты не владеешь неразменной удачей?

Кирилл, наблюдавший за разгрузкой машины с ветки старой вишни, почувствовал неладное. От Егорака пахло не просто хомячьим кормом, опилками и страхом перед высотой. От него пахло одержимостью. Это был запах горячего песка, раскрытой книги и безумия. — У нас проблема, — тихо мяукнул кот, спрыгивая на забор, чтобы лучше видеть. — У него глаза кладоискателя. Это тяжелая форма душевного расстройства. Лечится только валерьянкой, и то не всегда. — Он маленький, — зевнул Степан, который грел на солнце свои старые кости и даже не открыл глаз. — Пусть копает. Мне больше достанется моркови, которую бабушка привезет на грядки. Я чувю, там мешка три, не меньше. — Ты не понимаешь масштаба трагедии, — прошипел Кирилл, нервно дергая хвостом. — Он из породы «Пылесос». Такие хомяки засовывают за щеки всё, что не приколочено, а потом теряют это в самых неожиданных местах. Он перевернет весь поселок вверх дном. Если он найдет мою любимую пробку от портвейна в сарае и решит, что это часть клада, я этого не переживу. Нужно брать дело в свои лапы.

Когда стемнело, на поселок опустилась густая, фиолетовая августовская ночь. Поселок уснул, и только в окне дома, где поселились Егорак с бабушкой, горел свет ночника. Действие началось. Егорак действовал тихо, как заправский диверсант. Он выбрался из своей клетки (оказалось, он умел открывать задвижку носом, поддев ее снизу), прокрался в сарай, нашел там старую алюминиевую столовую ложку и начал копать.

Первым неладное заметил Кирилл. Он сидел на крыше сарая, охраняя сон Максима, который спал на веранде, и видел, как в углу участка, у старой, покосившейся теплицы, земля

начала подозрительно шевелиться. — Он начал с теплицы, — доложил кот по рации (то есть, мысленно передав информацию Степану, который вышел проветриться). — Это стратегическая ошибка. Там одни старые корни, прошлогодняя ботва и дохлые слизняки. Кладов там нет, только грязь. — Может, поможем? — лениво предложил пес, потягиваясь так, что хрустнули суставы. — Я могу выкопать яму размером с бассейн. За пять минут. У меня диплом «Золотые когти» за весенние работы на участке. — Исключено, — отрезал Кирилл. — Если мы выроем яму, бабушка Аграфена решит, что мы ищем, где она закопала заначку на черный день, и нас самих закопают в эту же яму. Мы должны действовать тоньше. Мы должны стать его проводниками. Навигаторами.

Кот развернул свой хвост, словно указку на карте звездного неба. — Смотри. Книга, которую он читал, старая, издания девяносто второго года. В ней на картинке была ива. Но не просто ива, а та, что растет на границе участков — у самого забора, где в прошлом году тракторист дядя Вася выворотил огромный серый булыжник. Пират Одноухий был хитрым: он всегда прятал клады там, где люди боятся копать, потому что боятся сломать лопату. — У булыжника? — уши Степана встали торчком, как антенны. — Там земля твердая, как кирпич. Мой нос чувствует, что там даже кроты плачут от безысходности. — Вот именно, — зеленые глаза Кирилла сверкнули азартом хищника. — Егорак — хомяк. У него лапки, а не экскаватор «Катерпиллер». Он будет копать до первого снега и ничего не найдет, только сотрет в пыль свои молочные зубы. Мы должны привести его к камню, дать понять, что это место «особое», и пусть он думает, что сам догадался. Это называется «интеллигентная манипуляция сознанием младшего».

План был принят единогласно.

Роль «злого следователя» досталась Степану. Кот остался на крыше сарая наблюдать, а пес тяжелой, но на удивление бесшумной тенью двинулся к теплице. Егорак так увлекся процессом, сопя и кряхтя, что не заметил, как огромная, заслоняющая луну тень накрыла его раскоп. Пес опустил нос к самой земле и шумно втянул воздух, прямо над головой хомяка, отчего усы Егорака затрепетали, как флаги на ветру. — Гррр... — издал Степан самый низкий, самый утробный звук, на который был способен его могучий организм. — Здесь копать запрещено. Частная собственность. Патруль «Мокрый нос». Нарушаем, гражданин грызун?

Егорак подпрыгнул от страха так, что чуть не пробил головой крышу теплицы, выронив ложку. Земля посыпалась с его пушистых щек, которые от ужаса стали еще больше. Он посмотрел на гигантского пса, чья голова была размером с его чемоданчик, потом на свою алюминиевую ложку, и его хомячье сердце ушло в пятки, пропустив пару ударов. Он пискнул что-то извиняющееся, что на языке хомяков означало «Я больше не буду, дяденька, только не ешьте меня», подхватил чемоданчик и бросился наутек — в противоположную от теплицы сторону, к забору.

— Идеально, — прошептал Кирилл, спрыгивая вниз. — Бежим за ним. Перехватим у булыжника.

Они настигли беглеца у старой яблони, где рос самый густой подорожник. Хомяк сидел под широким листом, тяжело дыша, и прижимал к груди чемоданчик, словно щит. — Эй, морская свинка, — окликнул его Кирилл, сидя на ветке повыше и умываясь. — Чего копаем? Ищем, где зарыта прошлогодняя морковка? Или пытаемся прорыть тоннель в Австралию? — Я... я ничего... — пропищал Егорак, пытаясь спрятать ложку за спину, что выглядело крайне неубедительно. — Я просто... аэрацию почвы делал. Для блага общества. Улучшал дренаж. — Аэрировал бы ты у себя в клетке, — фыркнул кот, спускаясь ниже по стволу. — Там у тебя, небось, уже нефть можно добывать, если судить по глубине. Мы видели, как ты накинута на теплицу, как коршун на курицу.

Егорак понял, что отпираться бесполезно. Перед котом-философом и огромным псом он чувствовал себя как грецкий орех перед молотком — раздавленным, но честным. — Я ищу

Золотой Орешек, — признался он, и его усы трагически поникли, как увядшие цветы. — Клад Одноухого Сильвера. Если я его не найду, бабушка увезет меня обратно в город, а там меня ждет только колесо. Вечное, скрипящее колесо! Я не хочу крутиться в пустоту! Я хочу найти удачу! Я хочу быть великим!

Кирилл переглянулся со Степаном. В глазах кота читалось: «Клиент готов. Можно брать тепленьким». — Одноухий был дураком, если зарыл клад в теплице, — авторитетно заявил Кирилл, спрыгивая на землю. — Там сыро. Орешек бы давно сгнил, покрылся плесенью и стал бы Обычным Грецким Орехом. Настоящие пираты прятали сокровища там, где растут плакучие деревья. Чтобы их слезы омывали клад и не давали ему заржаветь. — Плакучие? — глаза Егорак загорелись лихорадочным блеском. Он достал из чемодана книжку и сверил картинку. — У булыжника? Там как раз такая ива! Она всё время роняет ветки, выглядит очень расстроенной и плачет росой! — Мы как раз туда шли, — подал голос Степан, стараясь не вилять хвостом слишком сильно, чтобы не выдать их хитрость. — Проверять, не съел ли там кто-то нашу стратегическую косточку. Можем проводить. Но если обманешь — я на тебя наступлю. Случайно. У меня лапа широкая, ты даже не заметишь, как станешь плоским.

Дорога к старой иве заняла пятнадцать минут. Егорак семенил впереди, сжимая в лапках свою ложку-саперную лопатку, готовый в любой момент начать штурм. Кирилл ехал на спине у Степана, указывая путь кончиком хвоста.

Вот и она — старая, узловатая ива, склонившаяся над травой, словно старушка, ищущая очки. Рядом, преграждая путь, лежал огромный серый валун, покрытый зеленым бархатным мхом, словно природа накрыла его пледом. — Копать здесь нельзя, — строго сказал Кирилл, спрыгивая с собачьего крупа на теплый камень. — Это место силы. Тут геопатогенная зона. Можно только... указывать. — Как это? — растерялся хомяк, переминаясь с лапы на лапу. — Смотри, — кот кивнул Степану. Пес подошел к камню, обнюхал его основание, затем сел на землю и начал яростно скрести мощными задними лапами прямо у корней ивы. Земля полетела во все стороны, как от взрыва. Степан рыл не яму — он рыл траншею, показывая направление. Он остановился только тогда, когда его когти звякнули обо что-то твердое, издав звук, похожий на «дзынь».

Все замерли. Даже сверчки в траве, казалось, перестали стрекотать. Кирилл подошел к краю неглубокой канавки. Там, в лунном свете, блеснуло что-то круглое, желтое, размером с хорошую сливу. — Кажется, я нашел твою косточку, — смущенно пробасил Степан, отряхивая лапы и пытаясь выглядеть равнодушным.

Егорак подскочил к находке. Его лапки дрожали так сильно, что чемоданчик упал в траву. Он схватил предмет и вытащил его из земли. Это был старый теннисный мяч, выцветший до цвета сухой горчицы, с трещиной на боку. Хомяк поднес его к носу, понюхал, и его глаза снова наполнились слезами, готовыми пролиться дождем. — Это не Орешек... — пискнул он, и голос его дрогнул. — Это просто старый, грязный мячик. Моя удача потеряна навсегда. Я вернусь в город и буду крутиться. Прощайте, звезды.

— Не спеши хоронить себя в колесе, — тихо сказал Кирилл. Он спрыгнул с камня, подошел к хомяку и внимательно осмотрел мяч, покрутив его когтем. — Одноухий был не просто пиратом. Он был хитрым пиратом. Он знал, что если закопать золото просто так, его найдет первый же дачник с металлоискателем или собака, решившая поиграть. Он спрятал Орешек внутри чего-то неприметного. Это называется «контейнер».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.